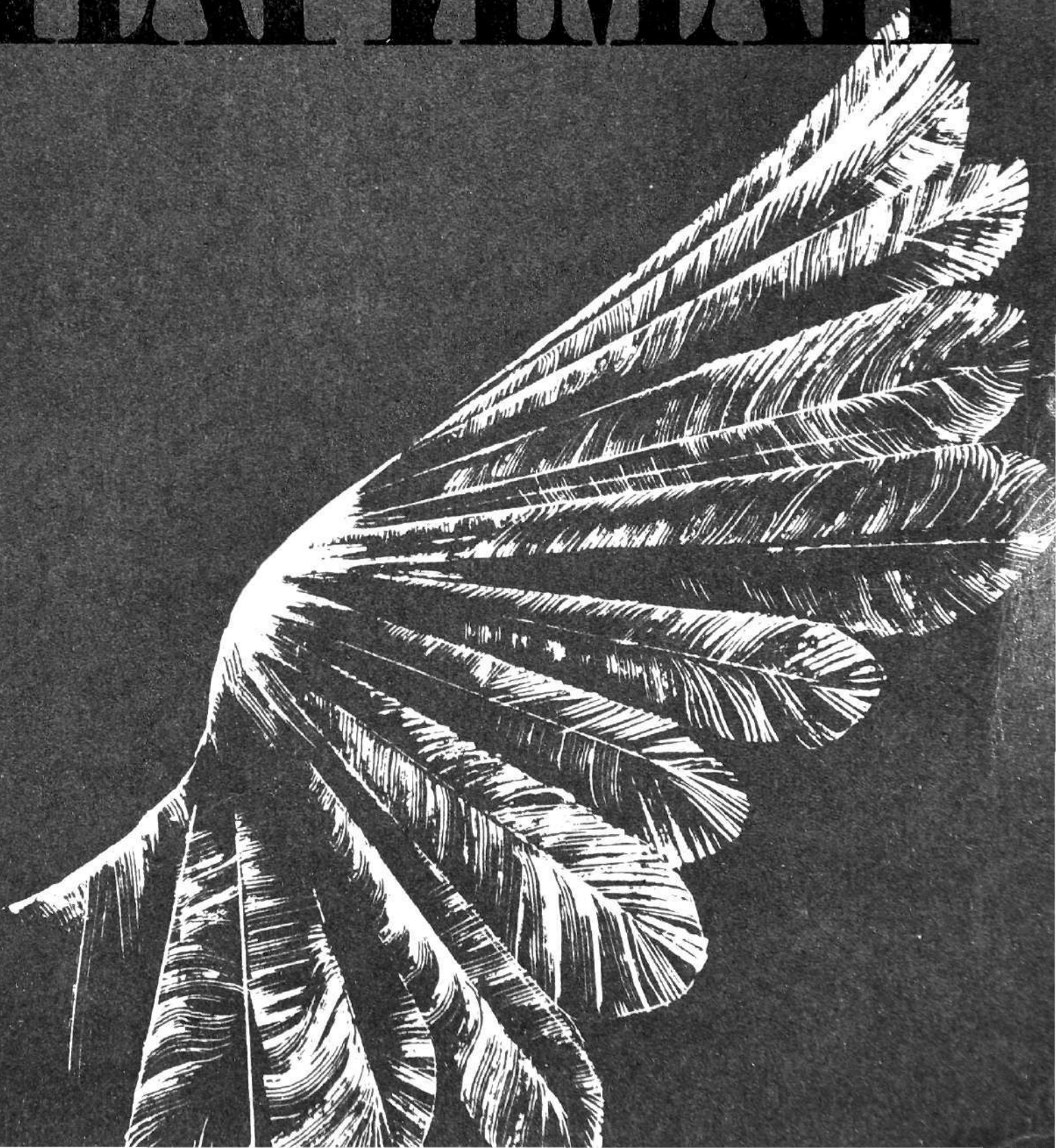

Н. Гасанзаде

НАРШУМАН

Н. Гасанзаде

•

Нариман

Предлагаемая вниманию читателей поэма известного азербайджанского поэта Н. Гасанзаде — это страницы из жизни и деятельности верного ученика и соратника В. И. Ленина Наримана Нариманова.

Над поэмой Н. Гасанзаде работал много лет. И хотя не все этапы большой и многогранной жизни большевика-ленинца нашли отражение в поэме, — поэтическая повесть Н. Гасанзаде воссоздает образ видного деятеля партии, отмечена в Азербайджане как одно из интересных произведений поэзии последних лет.

Н. Гасанзаде

Поэма

НАРИМАН

870053-1

Советский
писатель
Москва 1973

М. Ф. Ахундов adına
Azərbaycan Respublikası
Dövlət KİTAPXANASI

С(Аз)2
Г22

+ Аз

Авторизованный перевод
с азербайджанского
Натана Злотникова

© Перевод на русский язык, Издательство „Советский писатель“, 1973.

Г $\frac{743-254}{083(02)-73}$ 270-73

Глава I

**Вброд
через
реку**

Вброд переходит реку Нариман...
Вот перед ним знакомое село¹,
И всадник сквозь предутренний туман
Торопится, пока не рассвело.
Усы его, папаха, архалук,
Ружье, серебряные два курка
Покрыты пылью.
Монотонный звук
Копыт усталых
Словно стук валька.
По хмурому обличью не понять,
Какую весть везет издалека,
Нагайки нарезная рукоять,
Как джейраненка хрупкого нога.
А где-то дятел, потеряв покой,
Стучит, стучит,
Смолкает наконец.
Овец пасет подросток над рекой,
И на ягненка сам похож малец.
— Как звать тебя? Лета твои малы...
— Я сирота, о добрый человек.
— Чьи овцы?
— Сулейман Годжаоглы
Хозяин их, деревни нашей бек.
— А кто же ты?
— А я слуга его, —
Ответил пастушонок у реки.
Не ждал добра он, знать, ни от кого.

¹ Село Гызыл-Хаджалы, где Нариман учительствовал после окончания Горийской семинарии.

Гариб

Раздалось в небе пение свирели,
И с ветром грустные смешались звуки.
Казалось, кто-то плачет в самом деле
И чью-то жизнь листают чьи-то руки.
Да кто же это?
Дар настолько редкий —
Дар состраданья.
Есть он?
Неужели!
А звуки, звуки, будто листья с ветки,
Кружились тихо, под ноги летели,
А наземь пав, шептались и роптали,
И по-иному как-то жить хотели —
И трепетали, и с земли взлетали...
И Нариман пошел на зов свирели.
К скале холодной прислонясь спиною,
Играл и улыбался чабаненок,
Дышал, казалось, музыкой одною,
А взор был сонным, словно бы спросонок.
— Учитель!
Мне сказал хозяин старый,
Которому служу,
Сказал сердито:
«К чему учение?
Паси отары!
Иль, может быть, жить надоело сыто?»
Учитель,
Мой хозяин прав,
В округе
От голода страдает каждый житель.
Не каждого берет хозяин в слуги,
Меня же он не гонит...

Пощадите! —

И прозвучала просьба так неожиданно,
И было столько в ней тоски тяжелой.
Что сжалось сердце вдруг у Наримана.
— Ну хорошо, мы подождем со школой.
Зовут-то как?
— Гариб¹...

И это имя,
И эту шапку, посох и чарыки —
Хозяин дал, за овцами своими
Веля ходить. Он добрый — мой владыка.
— А чья свирель?
— Свирель моя. Когда-то
На ней играл отец на этом поле.
И мать хранить ее просила свято.
Мне суждено пастушить с ней, доколе
Жить суждено...
— Гариб, мне одиноко
По вечерам, деревня незнакома.
Ты приходи ко мне, ведь недалеко,
И ты меня всегда застаешь дома.

Чняляк

Была зима... Он встретил на дороге
Девчушку, что несла вязанку дров.
Мороз ей руки обжигал и ноги,
И, видно, был не близок отчий кров.
Как будто тяжесть жизни за спиною
И груз заботы не о пустяках,

¹ Г а р и б — пришлый, чужестранец, одинокий.

Но рдели щеки ярче, чем весною
В горах сверкают маки на лугах.
— Послушай-ка, мы, кажется, знакомы,
И это, очевидно, добрый знак.
Ходила в лес? А кто тебя ждет дома?

— Мать...

— Как зовут тебя-то?

— Чияляк.

Есть дедушка еще...

— А на уроки

Пришла бы ты ко мне? —

Молчок в ответ.

Ушла и взгляд свой опустила в ноги.

Ей молча Нариман смотрел вослед.

«Аллаху-
акбар...»¹

Пронзает тучу синий минарет,
И вторит муэдзину муэдзин,
В краю Ислама занялся рассвет —
Петух вскричал.

За ним еще один...

Проснулись люди и творят намаз²,

И старые слова на старый лад

Уходят в небеса, в который раз —

Аллах не слышит.

Просьбы все звучат...

¹ «Аллаху-акбар...» — начало мусульманской молитвы.

² Намаз — молебствие у мусульман.

Ореховое дерево стоит,
И «пиром»¹ именуется оно.
К нему и богатырь и инвалид
О помощи просить спешат давно.
Скрипят подводы, кони ржут, верблюды
Несет высоко вечные горбы,
И едут и пешком сюда идут
Молить о снисхожденье у судьбы.
Приходит мать, чей сын сидит в тюрьме.
На «пире» молит, чтоб аллах помог;
Разбойник с черной думой на уме
Приходит,
И продувшийся игрок...

А в центре «пира» ходит сам молла
И воздевает руки к небесам,
Чтобы молитва поскорей дошла,
Чтоб поскорей свершиться чудесам.
Вот девочка откуда-то взялась,
Ступила робко под древесный кров
И положила к «пиру», поклонясь,
Лаваш горячий и в кастрюле плов.
На землю села, слушая коран.
В ее роду все поступали так.

Спросил ее тихонько Нариман:
— Что делаешь на «пире», Чияляк?
— Просила мама сиротам раздать
Их долю...

¹ Пир — священные места поклонения мусульман.

— Хорошо. А почему
Ты не желаешь школу посещать?
— Сказала мама: это ни к чему.
Она меня научит ткать,
А дедушка коран прочтет мне весь.
— Ты босиком пришла, а от жары
Распухнут ноги...
— Лапти дома есть...
— Ты поняла ли, что сказал молла?
— Коран читает. Вторю я: «Аминь!»

Вдруг рядом кто-то процедил:
— Хула
Звучит из уст твоих, учитель...
Сгинь!
Ты веру нашу осмеять хотел,
Обычаи священной старины?!
Ступай-ка подобру, покамест цел,
Пока кинжалы не обнажены. —
Раздался шум.
Разбойник Галандар,
Которому убить — всего пустяк,
Поднялся, чтобы нанести удар:
— Что хочешь ты от нашей Чияляк?..
Не знаешь разве — наш закон таков,
Что женщине учеба не нужна!..

Ах, Чияляк!.. Несла лаваш и плов.
Обратно слезы унесла она.

На уроке

Как крылья птицы — Чияляк, Гариб...
И Нариман взволнованный меж ними.
Из рук, что ветер удержат смогли б,
Перо никто на свете не отнимет.
Но как же трудно легкое перо
Держать в руке над первой страницей!
Так жаждет сердце ощутить добро,
И мысль уже парит голодной птицей.
Как первый вздох, был первый тот урок.
Скрипели перья, и стихи звенели.

И хлеба недоеденный кусок
Лежал неподалеку от свирели.

Четки и перо

Молодцевата поступь Галандара.
Багровое лицо налито силой,
На поясе кинжал с насечкой старой,
И на устах слова: аллах, помилуй!

А Нариман сидит,
Склонившись низко.
И пишет в Гори:
«Дорогой учитель¹,
Так одинок я здесь,
А вы неблизко,
В деревне суеверен каждый житель...»

¹ Чернявский, преподаватель Горной семинарии.

Тут Галандар вошел,
Встал у порога,
Подбросил четки, поиграл кинжалом...
Как будто бы свела одна дорога
Лицом к лицу
Мир новый с миром старым.

Галандар Ты что — не рад?.. Молчишь?
Какого черта?
Входящий в дом —
Хозяину награда...

Нариман Когда он зван.
Ты ж гость иного сорта,
Незванным входишь,
Словно так и надо.

В окне звезда померкла, покатилась,
Как будто чья-то жизнь пропала где-то.

И Галандар подумал: «Божья милость,
Мне на руку недобрая примета».

Галандар Ушел наш, может, мне и не поверит,
Но знают все характер мой и силу,
Мне — двери настезь!
Кто закроет двери
Передо мной — тому пора в могилу!
И бек и голь ко мне идут с поклоном.
Моя папаха каждому известна.
Дни многих я наполнил горьким стоном.
И ты ищи себе другое место!

Ну что же ты молчишь? Иль не
мужчина?

А шапка русская тебе не впору,
Ее гроза, другая ли причина
Слететь с тебя заставит очень скоро!

Нариман Нет разницы мне,
Шапка ли, папаха.
А головы, в которых дует ветер,
Во мне, представь, не вызывают страха...

Галандар Учитель,
Ох, не то ты мне ответил!..
В слова играть не мне...

Нариман Играть опасно!..

Галандар Куда уж нам,
В слова играть не нам уж!..
Чтоб не морочил ты себя напрасно,
Я Чияляк взял да спровадил замуж.

Нариман Как замуж?
Ведь она еще ребенок...

Галандар Так, замуж!..

Нариман Но ребенок хрупкий, хилый!..
И свет его был кроток, голос тонок...

Уходит Галандар:
— Аллах, помилуй!

М. Ф. Ахундов адына
Азербайжан Республикасы
Давлат КИТАПХАНАСЫ

Как отсвет зла,
И мрачен и тревожен,
Задел он душу и обжег жестоко,
Как бы кинжал, вдруг вырвавшись из
ножен,

Вновь скрылся в них
До времени, до срока.
А сердце Наримана так пылало,
Сочилось кровью, плакало в обиде...
Он весь горел...

Ночь шла, потом светало.
Но этого огня никто не видел.

Навстречу неведомому

Пусть тяжек гнет угрозы и навета,
Нет сил решиться, не уйти никак.
Возможно ль, чтобы, жаждущее света,
Стерпело сердце непроглядный мрак?
Тяжел посев, плоды, однако, сладки.
Так зреют знанья в глубине сердец.
Учителя, что ходит в русской шапке,
Принудили убраться наконец.
Прощальным взором он скользнул по
крышам,
Их видом запасаясь словно впрок,
И вновь к реке Алгет, как прежде,
вышел.

Пришел учить, сам получил урок.
Он вброд пошел, — воды летящей холод
Сковал суставы и мешал идти, —
Познал он унижение, горечь, голод,
Не ведал, что предстанет впереди.

Глава II

Баку

Верблюжьих бубенцов умолкнул звон,
В дремоту погрузился караван,
Проехал тихо чей-то фаэтон,
И вслед за ним пустился Нариман.
Прошел он медленно Кемур-базар,
Кладбище и торговые ряды,
Вот крепость старая — и город стар!
Вот сад
И парапет вблизи воды.
А башня Девичья давно пуста...
На сердце дума,
Дума нелегка.
Алгет пред взором, милые места,
И две фигурки — два ученика...
И лица тех, кто вслед грозил ему,
Тупою злобою искажены,
Еще мерцают сквозь ночную тьму
И только одному ему видны.

Голос
из окна

Шел Нариман в печальном настроенье
С упавшим сердцем, с горестною думой.
Вдруг голос, словно ветра дуновенье,
Возник внезапно — чистый, свежий,

юный:

«Есть у каждого кто-нибудь.
Без попутчика путь далек.
Без попутчика труден путь.
Боже, если бы ты помог!..»
Витали звуки, легкие как птицы,
Слова дышали тайной без предела.
В зеленой кофте набивного ситца
В окне стояла девушка и пела.

— Как ты поешь!.. — он произнес
негромко.

Она взглянула.

В отрешенном взгляде

Смешались разом робость олененка

С тоскою по неведомой утрате.

— Кто это?.. Кто он? Ах, окно закрою

И отойду!.. —

Но сердце не пустило.

— Я не слыхал нигде, чтобы с тоскою

Так много ожиданья слито было.

— Советовал мне дедушка покойный

Заветные загадывать желанья

В закатный час, в вечерний час

спокойный —

И сбудутся они без опозданья.

— Да... дедушка был прав... — он ей

ответил, —

А как зовут?

Сказала, замолчала.

— О' Сария!.. —

И путь домой был светел,

И с каждым шагом «Сария!» звучало.

**Носки
и шаль**

Они уже на следующий вечер
Увиделись.

Мигали огоньки

Над робкою водою первой встречи.

— Тебе связала нынче я носки... —

Она произнесла с такой заботой,

Кому-то словно делая упрек,

Так, словно тот, отсутствующий кто-то,
В предзимье Наримана не берег.

Бесценный этот продал он подарок,
Купил ей шаль и с нежностью принес!

Изыскан был рисунок, свеж и ярок.

Подарок тронул девушку до слез.

Откуда было знать ей, на какие

Гроши он жил?

Откуда было знать?..

Они друг друга в этот день впервые
К чужому взгляду стали ревновать.

**Рабочий
и интеллигент**

Искал себе работу Нариман.

В рабочие пойти?..

А сдюжит он?..

Пришел к колодцам нефтяным, незван,

Где грунт тяжелым зноем обожжен.

Брезентовая роба и картуз

Казались неуклюжи, велики,

Сначала он таскал, как будто груз,

Тяжелые, в мазуте, сапоги.

Нефтяник он. И это ничего,

Что ни двора пока нет, ни кола.

Жизнь, жестко в руки взявшая его,

Все ж справедливою к нему была.

А в комнатушке, скудной и пустой,

Висела роба на стене одной

И рукавицы...

На стене другой
Висел сюртук с рубашкой выходной.
Как будто двое родственных людей,
Но разных, ненароком здесь сошлись,
Две колеи — одна, однако, цель,
Одна, неразделяемая жизнь!
А ночью, когда промысел затих,
Стихи он написал на двух листах,
И ожили они в сердцах людских
И повторились на людских устах.

Кто и в жару
И в холодные ночи
Пот проливает
И страждет?
Рабочий!

Гнев и страданье
В чьем сердце клокочут?
Голоден кто?
Кто несчастен?
Рабочий!

Гнет бесконечный
Терпеть нет уж мочи.
Кто же спасет?
Кто надежда?
Рабочий!

Стихи запоминали неспроста,
Они прошли весь нефтяной район,
Передавали их из уст в уста,

И был хозяин прииска взбешен...
И Нариману выдали расчет.
Вернулся к прежней жизни он опять.

И все ж он был уже совсем не тот:
Успел увидеть много и понять.

Встреча с Гаджи Тагиевым¹

Он театр Гаджи Тагиева любил.
Гаджи о нем поведали.
Однажды
Он, как поэт, Гаджи представлен был,
В дом приглашен,
А этого не каждый
Был удостоен в городе.
Тагиев —
Знакомый Нариманова! Не шутка —
Открылись бы возможности такие
Чиновнику — лишился бы рассудка!

И вот порог тагиевского дома
Переступил с почетом он, привечен —
За мраморной колонною колонна,
Горят в изящных канделябрах свечи,
На окнах тюль тончайшая, тень веток,
Лепные потолки, резные двери,
Ковры узоров редких и расцветок,
И зеркала, все это в полной мере
Отобразившие...

¹ Тагиев — известный миллионер.

В парижском стиле —
Одна стена и в лондонском — другая...
В аквариумах рыбки тихо плыли,
Двоясь в хрустальных гранях и сверкая.
Дом заграничный.
Только два бакинца —
Градоначальник в золотом багете
Да сам Гаджи, одет роскошней принца,
Возникший, как виденье, на паркете.
Он добр.
— Сынок, — он начал осторожно, —
Иди ко мне в театр, вот решенье!
Но всем помочь рабочим невозможно...
Я был когда-то в том же положенье.
И грязь месил
И штукатурил стены,
Три пятака имел я в день, не боле,
Неграмотный, ученью знал я цену
И цену знал труду — гляди, мозоли!
Своим горбом лишь сколотил немного,
Землицы тощей приобрел я малость.
Но выпала награда мне от бога:
Земля богатой нефтью оказалась.
А нынче
Шестьдесят рублей актеру
Плачу я.
Как находишь плату эту?
Да десять, сверх того, тому, который
Мне каждый день читает вслух газету. —
Гаджи замолк,
На миг припал к кальяну.

— Сам господин Островский не вчера ли
Был здесь, проездом
Из Москвы к Ирану,
Его слова меня очаровали!
Но почему средь нас такого нету?
Я в Турции ищу людей ученых,
Врачей,
учителей для школ,
по свету
Брожу во имя дела,
бью поклоны...

— А мне порою кажется — до смерти
Не уставал бы познавать науки!
Хочу врачом стать...

И Гаджи в конверте
Вдруг деньги Нариману подал в руки:
— Учись! Я рад.
И твой порыв прекрасен. —
И видя Нариманово смущенье: —
Я в долг даю, ведь платежом он красен!
Здесь на год хватит.
Начинай ученье!

Глава III

Одесса

Одесса приняла его в объятия.
Он старше всех был в университете.
Стояла осень. Шли вовсю занятия,
Он канул в них, забыв про все на свете.
Никто не видел хмурым и усталым
Его лица,
Дивились юной силе.
Друзья его прозвали аксакалом
И слово его редкое ценили.

Один студент женился...
К Нариману
Пришел.
Сидел... Смущался, мялся долго.
— Бери, с отдачей торопить не стану,
Вернешь мне при рождении ребенка! —
Он поделился деньгами Гаджи
И странную почувствовал отраду:
Для Сарии как будто, для души
Он это сделал,
Руку подал брату.

**Нужда и слава
ходят по пятам**

Вот скоро год...
Шли дни, и шли недели...
Старательно учился Нариман.
Жить было не на что. Он еле-еле
Сводил концы.
Давно был пуст карман.
Уже нужда с ним не играет в прятки,
Уже открыто ходит по пятам,

Но он спокоен, словно все в порядке,
Растерянность — не по его летам.
Неприхотливый, как степной цветок,
Проросший к свету, несмотря на холод,
Он жил, и знания — за глотком глоток —
Вбирал в себя. И свят был этот голод!
Он должен стать врачом. Его успех —
Единственная, может быть, отрада
Для тех, кто там на приисках, для тех,
Чья жизнь страшна, но песня все ж
крылата.

На волнорезе, в маленькой харчевне,
Где хлеб стоял открыто на столах,
Кормился Нариман ежевечерне
И уходил, ссутулившись, впотьмах.
И волны долго вслед ему шумели...
Через огромный город напрямик
Он шел и шел пешком,
В его портфеле
Кусочки хлеба были среди книг.

К нему по вечерам на огонек
Сходились люди — докеры, шоферы...
Матрос, рабочий, чистильщик сапог...
Читались книги, и шумели споры.

Тюремный запах над страной витал,
Витал разбойный свист казацких плеток,
И в остром дефиците был металл,
Для кандалов пригодный и решеток.

И пусть вокруг еще так много зла,
Но светит огонек надежды ало.
А слава Наримана все росла
И многие сердца отогревала.

Огромный город смуткою объят,
Повсюду ропот грозный, забастовки.
Листовки кто-то день за днем подряд
К студентам шлет. Но кто же шлет
листовки?

Грозу торопит кто в преддверье гроз?
И правда для кого сильнее, чем беды?
На Наримана поступил донос,
И к ректору он вызван для беседы.

Ректор

Я слышал ваше имя, господин,
Звучит среди смутьянов.
В чем причина?..
Что вам важней? А выбор лишь один:
Политика иль все же... медицина?

Знал Нариман, что этот разговор
Когда-нибудь да должен состояться.

Нариман

Но, господин профессор, с давних пор
Ученому пристало сомневаться.
А недовольство даже есть у вас,
Хоть ваша жизнь исполнена достатка.
Но голоден и нищ рабочий класс.
Кто строит, ткет, кует... —
живет несладко.

Ректор Вы помните, что университет —
Не место для подобных слов! Учеба
Преследует возвышенный предмет.
Науку движет разум, а не злоба.

Нариман И все же небрежения клеймо,
Бесправье большинства — неволят разум.
А разве врачевание само
Не есть политика с призванием разом?
Когда болеет общество, пора,
Кроме врачебных, знать иные меры.
Нужны совсем иные доктора,
Иные проповеди и примеры!
Землетрясение, что грядет вот-вот
И мир отживший до конца разрушит,
В глубинах душ предчувствием живет...
Но вам, профессор, чужды эти души.

Разгоряченный,
пересек он двор —
Безлюдно, тихо, словно бы в пустыне, —
Не ведая, что учрежден надзор
За ним негласный, навсегда отныне.

Суфлер Его узнали все портовики.
Простой бакинский парень был им люб.
А он, хоть были встречи коротки,
У них учился.
Волнорез — их клуб.
Случалась тут и «Искра» на столе,

Здесь новости, здесь споры, разговор...
(Он в местном театре был недели две
Суфлером.

Нынче снова он суфлер.)
Обрывки новостей и все, что знал
О демонстрациях в родном Баку,
Рассказывал, вслух будто размышлял,
Сам был в колонне — собран, начеку.
«...Вот на Петровской площади народ...
На Николаевской идут бои,
Врубается в толпу казачий взвод,
И падают товарищи мои.
Но шесть багряных боевых знамен
Не уронили...»

В «Искру» он глядит —
И видит, как идет с друзьями он,
И видит кровь, и слышит стук копыт.
Шла репетиция грядущих дней
Подполья,

ссылкок,
баррикад,
побед...

Шла демонстрация в Баку. Над ней
Знамена поднимались, как рассвет.

Стон Декабрь и полночь...
Застонал больной.
Все льдом наружные сковало стекла,
Но внутренние, словно бы весной,
Прозрачны...

Стон. И снова все умолкло.
Уже всю в горшках цветы цветут.
К ним никогда не прикоснутся пчелы!..
И снова стон:
— Ой, больно! Есть кто тут?..
Ох, почки... Плохо... Делайте уколы!..
Дежурный врач не слышит. Нариман
Встает, ведет страдающего к ванне,
Воды горячей открывает кран.
— А ну-ка, в воду, сразу легче станет!
— О, лучше мне!..
Поверить-то боюсь.
Кто вы,
Ко мне пришедший среди ночи?
— Студент я, практикант, еще учусь.
— А я в порту работаю, рабочий. —
И Нариман припомнил этот взгляд.
Он взял в харчевне хлеб — еще в то —
лето, —
К дверям направился,
Взглянул назад:
Взгляд встретил, полный сострадания,
света...

Подарок

И вдруг приходит из Баку посылка...
Роскошная крахмальная рубашка,
Перчатки, туфли, бант, вина бутылка,
Немного денег и письмо — бумажка,
Кой-как разграфленная под линейку,
Где родинки чернил и отпечатки
Трех пальцев...

«Нариман, салам-алейкум.
Как, брат, учеба?
Как живешь, в достатке?
Твою зарплату отдали нам ныне.
Так ты велел — сказали нам в конторе.
Шлем скромные подарки.
На чужбине
Здоровым будь,
Не знай тоски и горя!»

Купили то, что сами не носили!
Казалось, дружбы он познал объятья.
Рабочие — «Учись!» — его просили.
Он сел писать ответ и начал:
«Братья!..»

Лето. 1905

Он пьесу написал.
В Бахчисарае
Сыграть ее товарищи взялись.
Потом в Одессе, видимо, сыграют
И этим заработают на жизнь
Студентам без стипендии.
Все лето
Необходимо в городе пробыть.
Он вышел к серой кромке парашета.
Жара стояла.
И хотелось пить.
Казалось, что огромный город вымер,
Но возле моря сгрудился народ.
Летела чайка над береговыми
Камнями,

Замедляя свой полет.
Как будто веер, колебалось море
И приносило с каждою волной
Дыханье и прохладу...
Призрак горя
Витал над побережьем, будто зной.
Но хохотала чайка, злая дура.
И, холоден, лежал поверх плаща
Убитый.
Рядом люди шли понуро.
И каждый говорил ему:
— Прощай!.. —
Склонился берег, уподоблен чаше
Весов земных.
Матросы с корабля
Шли грузно, как по палубе.
И даже
Покачивалась медленно земля.
И что-то от упрямого ребенка
В их лицах было.
Чей-то голос вдруг
Проговорил печально и негромко:
— Товарищи, погиб наш первый друг!..
Он отказался борщ хлебать с червями,
Он лучшим был из нас...
И вот убит...
Пускай матрос, лежащий перед вами,
Потемкинец,
Не будет позабыт!.. —
И вот матрос уж вознесен на плечи,
Весь берег на мгновение затих,

Пускай живущий на земле не вечен,
Но вечен добрый след в сердцах
людских.

Не в небе в этот раз,
Землей шли тучи,
И молниям сверкать не в небесах,
А на земле, где ожил гнев могучий,
Преодолевший скованность и страх.
И твердо Нариман идет за гробом,
А рядом с ним, невзгодам вопреки,
Идут, идут в молчании суровом
Рабочие,
студенты,
рыбаки.

Всех наций люди,
Те, что накануне
Терпели молча и нужду и гнет,
Сегодня плечи скорбные сомкнули
И ощутили:
Их пришел черед!
Восстанье оказалось у штурвала —
И броненосец поднял на флагшток
Багряный стяг.
А имя его стало
Самодержавью горла поперек.
Уже войска повсюду наготове.
Готовятся репрессии опять.
Не избежать ни горестей, ни крови...
Но море в бурю не дано унять.

Боль

Убит студент.
Запнулся и замолк,
Скатился вниз по лестнице крутой,
В клубок свернулся, словно бы дымок
Винтовочный
Пред замершей толпой.
Он доставлял «Потемкину» еду
И долг свой скромный выполнил сполна.
Его снесла, подмяла, на беду,
Свинцовая, тяжелая волна.
Последний вдох прерывистый иссяк,
И взор уже угаснул навсегда.
Жена его осталась на сносях.
Дитя — еще во чреве — сирота.
И созданное только что гнездо
Разрушилось по воле темных сил.
Друг дорогой погиб, тот самый, что,
Женившись, к Нариману приходил.
И Нариман во время похорон
Сказал о тех, кто гордой головы
Перед врагом не клонит...
Но урон
Невосполним для друга,
Для вдовы...

Глава IV

**Тяжелый час
правды**

В Баку собрался съезд учителей.
В одном ряду —
И бедный и богатый.
Есть те, кто власть имущим льет елей.
Есть просвещенья скромные солдаты.
Есть те, кто жизнь за родину отдаст.
Есть те, кто родину продать готовы.
Различен опыта и знаний пласт,
Различны и моральные основы.

Сидит Гаджи,
И цепкий его взгляд
Внимательно обводит все собрание,
Все, что с трибуны залу говорят,
Он слушает,
И велико вниманье.

Вот говорит один:
— Родной язык
Потребен нам,
Он дан нам от рожденья,
Несет он жизнь страницам наших книг...
Его величество,
Быть может, разрешенье
Благоволит нам дать...

— Проси ты сам!..
Мы требуем немедленно!..

Доколе, —
Поднялся с места гневный Нариман, —
Родной язык бесправным будет в школе?

В чьем честном сердце не живет протест?
Кого бесчестье родины не мучит?..
Я из Одессы вызван был на съезд
И все скажу,
Раз выпал этот случай.
Хочу я, чтобы Пушкина народ
Читал на языке родном,
Толстого,
Чтоб «Гамлета» был сделан перевод...

Гаджи Тагиев встал и просит слова:
— Как требовать ты смеешь у царя,
Отечеству который благодетель,
От имени народа говоря
Столь дерзостно,
Аллах тому свидетель?!
Всё —
Армия, заводы и казна —
Его величеству принадлежит,
И школы...
— Вы знаете, Гаджи, что за цена
У просьб?
Всё ждут, а нет ли в них крамолы?..
Вы вспомните события в Баку,
Вы вспомните события в Одессе... —
И Нариман журнал «Кукареку»¹
Достал, мгновенье на ладони взвесил

¹ «Кукареку» — художественно-сатирический журнал, выходил в 1906 году в Тифлисе на русском, армянском и грузинском языках.

И развернул:
— Смотрите-ка, портрет!
Петух с лицом царя.
Ну что ж, каков он!
Молитесь же!..
(Уже пришел запрет,
И был тираж журнала конфискован.)

Тут в зале наступила тишина.
Она сгущалась.
Становилось жутко,
Казалось, рухнут потолок, стена.
Гаджи, будто в затмении рассудка,
Вскричал визгливо, злобно:
— Нариман!
Так вот на деле ты какая штучка!..
Его словам не верьте!
Все — обман!..
Тебя учил я! Ах ты недоучка!..

И «милосердь» щедрого Гаджи
Вдруг рухнуло в единое мгновенье,
Как рушатся на землю этажи
Во время сильного землетрясения.
А Нариман увидел пред собой
Друзей, Одессу, из Баку подарки,
Потемкинца над замершей толпой...
Пот застил взгляд,
И сердцу стало жарко.
— Я... вашу... уважаемый... сейчас
Стипендию прилюдно отклоняю!

Прошу, примите к сведенью отказ,
И я отныне больше вас не знаю!..

Сария

Горит Тавриз.
Движенье Саттар-хана¹
В Баку кого-то бросило в мороз.
Охранка след сыскала Наримана, —
И он в тюрьме,
Полураздет и бос.
«Коль тесен мир, просторный и
зеленый, —
Располагайся в камере-гробу.
Узнай, как горек скудный хлеб казенный,
Пойми, что в папке заперли судьбу». —
Печаль тюремных стен,
И свет унылый,
Печаль решеток на душе...
Но вдруг
Знакомый взор с чарующею силой
Проник к нему, и голос тронул слух:
«Есть у каждого кто-нибудь.
Без попутчика путь далек.
Без попутчика труден путь.
Боже, если бы ты помог!..»
И юности знакомая тревога,
И первая любовь, как наважденье,
Печаль и радость,
дальняя дорога...

¹ С а т т а р - х а н — один из руководителей иранской революции.

Что это?
Добрый сон иль пробужденье?..

С а р и я Мой Нариман, скажи мне, ты ли это?

Н а р и м а н Я, Сария моя.
Каким же чудом
Ты здесь?

С а р и я Искала я по белу свету
И по следам не шла —
Летала всюду!
А ты в тюрьме...
За что ты арестован?

Н а р и м а н Любимая, в час твоего прихода
Мир изменился!
Я пленен, взволнован.
Но глаз твоих арест — моя свобода!..
Здесь, Сария, печально и уныло.
Но ты вошла...
Не оступись...
Дай руку!..
Вот так...
О чем страдаешь ты?

С а р и я Мой милый!
Я плачу, чуя близкую разлуку.

Н а р и м а н В кудрях твоих ночь царствует бессонно,
В глазах твоих —
Зари веселой радость,

В дыханье —
Влажный ветер Апшерона,
В слезах —
Воды спасительная сладость...
И все это пришло сюда, в темницу!
Вошло с тобой, и сгинул сумрак серый!
О Сария,
Пусть этот сон продлится!..
В моей душе живут любовь и вера.

Сария

Я чувствовала, что стихи опасны.
А наши времена суровы, злобны.
Ты пишешь вновь.
И слезы все напрасны!
Стихи тебя навек отнять способны.

Нариман

Поэт — сам правда.
Он не знает страха.
Еще несправедливость есть на свете.
Ни суд,

ни подземелье

и ни плаха

Не заслонят ему пути к победе!..

Но что же ты молчишь?..

Скажи хоть слово!

Не плачь,

любимая моя!

Сария

Не плачу...

Нариман

И нам достанет времени незлого,
Не слезы знать — но свет, добро, удачу!

— Ты что сидишь и смотришь так
уныло?

Что мучит —

Промах, глупость, невезенье?

За что тебя казенные чернила

В казенное вписали заведение?.. —

Очнулся Нариман и вспомнил школу.

Нет, не был труд его в селе напрасным,

Хоть Галандар, и мрачный и веселый,

По белу свету ходит безнаказным.

И вот он перед ним...

Пусть без нагана,

Но брови, вид угрюмый, четки — те же,

И тот же взгляд холодный хулигана...

Да, это Галандар пред ним...

Но где же

Его любовь?

В каких краях витает?

Душевному она доступна взгляду,

Как правда.

Галандар, хоть рядом, тает,

Уходит прочь, не в силах скрыть досаду.

Он Наримана не узнал нисколько.

Когда же двери отперли солдаты,

Назвали Наримана — охнул только.

В растерянности произнес:

— Куда ты?

Тебя в деревне люди год от году

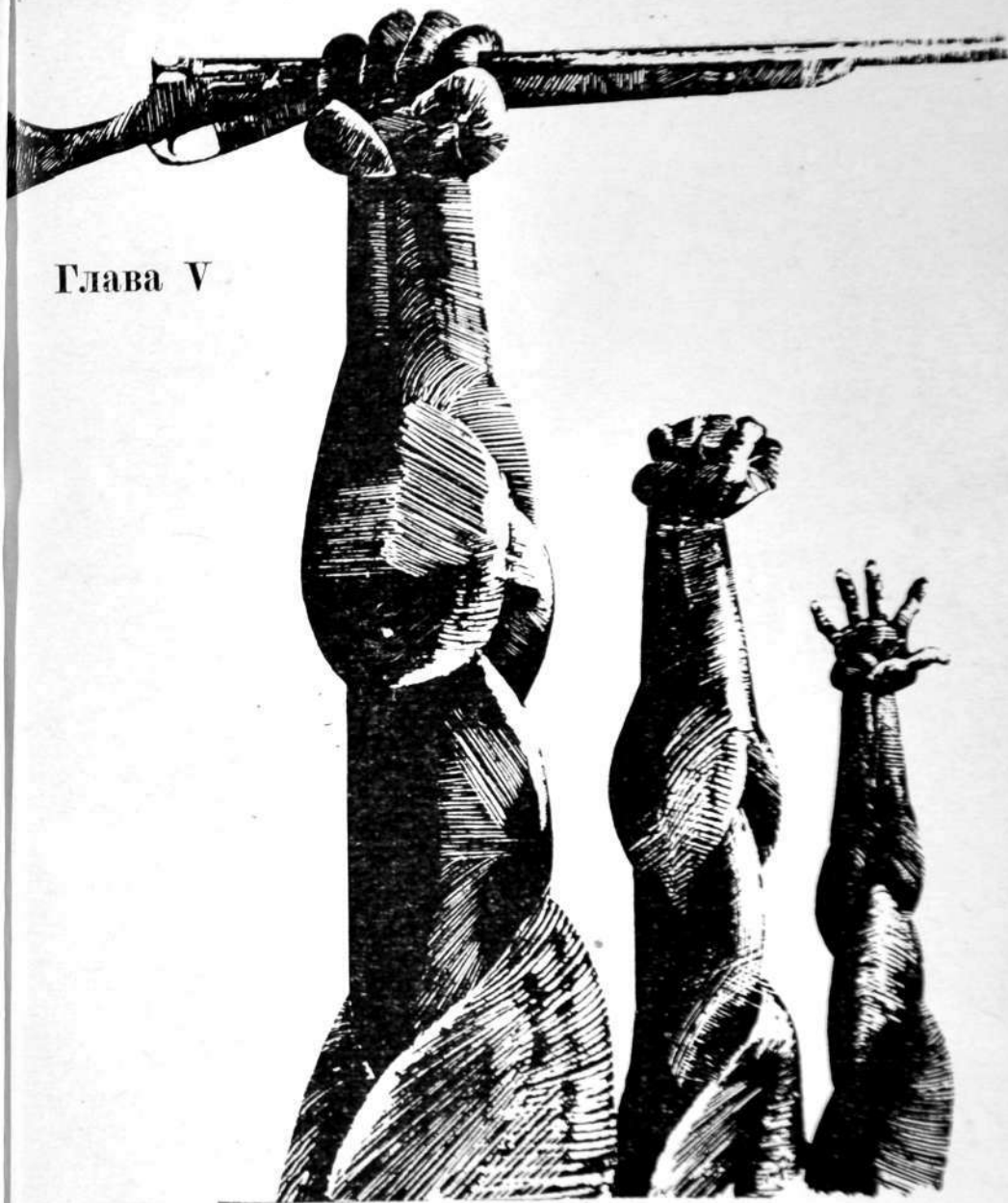
Все чаще вспоминают,

Даже ищут.

Ты полюбился нашему народу...

Но как ты оказался здесь,
Дружище?
Прости меня!
Ты Чияляк уроки
Давал, однажды усомнился в «пире»...
А я, дурак,
и темный и жестокий,
Не верил, что добро есть в этом мире.
Аллах, помилуй!
Жизнь-то стала хуже,
Как ты ушел.
Племянницу муж кинул.
Но отыскал я и зарезал мужа.
Потом решил податься на чужбину.
У Чияляк в назначенные сроки
Родился сын...
Ах, я виновник свадьбы!..
Ведь если б мне ты дал свои уроки,
Быть может, эта кровь не пролилась бы...

Глава V

Свет в душе

Всех арестантов перегнали скопом
Под Астрахань.
Была ему тюрьма
Как фронт, а камера была окопом.
Но свет в душе был,
У врагов же — тьма.
Боец, уже обстрелянный, но юный,
Готовый побеждать и созидать.

...В Баку на деньгах Ленинской Коммуны
Его стояли подпись и печать.

**Есть ли предел
терпению**

В прекрасном восемнадцатом году
Бакинским комиссаром Нариман
Назначен.
Он обрел свою звезду.
С ним рядом Джапаридзе, Шаумян.
Они разноязычны, но судьба
У них одна.
И каждый их декрет,
И каждый шаг, и слово — всё борьба
За коммунизм, и в ней поблажек нет!

Купец вздыхает:
— Ох, настали дни!
Коммуны деньги будут ли в ходу
Иль николаевские лишь одни —
Что через месяц будет?.. Пропаду!.. —
Он закрывает лавочку, бредет
По городу. Он нынче не в чести.

Своим деньгам двойной ведет расчет
И вынужден двойную жизнь вести.

Бурлит весь город из конца в конец,
Разгуливают слухи не к добру.

Торгаш,
барышник,
спекулянт,
делец

Ощерились — им власть не по нутру.
Коммуны деньги прячут.

Свой товар
Не продают ни пекарь, ни мясник,
И прячет в погреб пиво пивовар...
Хотят, чтоб ропот в городе возник.

И вот подписывается декрет —
Заводы, мастерские, гаражи —
Коммуне: частных предприятий нет.
Все, кроме дома, потерял Гаджи.

* * *

Вновь Нариман к Тагиеву идет:
— Сейчас не комиссар я, а должник.
Вот деньги... —
И в словах его почет. —
Благодарю, в долгу быть не привык.

С достоинством уходит Нариман,
Прощается, в дверях кивнув слегка.
Задумался Гаджи и взял кальян...
— Его убью я! —
Вымолвил слуга. —

И деньги эти не в ходу совсем... —
Нахмурился Гаджи, сказал:

— Он врач.

И был не раз среди вот этих стен.
Не помню, чтобы здесь бывал палач.
— Все рухнуло...

От гнева весь горю!..

— Возьми-ка эти деньги, я дарю.

— О покровитель мой, благодарю!.. —

Гаджи, взглянув с улыбкой на зарю,
Сказал:

— Ну как не посмеяться тут?

Тебе ли наша вера дорога?..

Ты говорил, что деньги не идут,

А взял... —

И опустил глаза слуга.

* * *

Два имени и в жизни и в боях
Созвучны — Шаумян и Нариман,
Содружество, внушающее страх,
Как грозное оружие, врагам.
Но сердце Наримана дало сбой.
Перешагнув терпения предел,
Вдруг отказало — раз, потом другой...
Жалеть он только сердце не умел.

— Вы в Астрахань поедете сейчас! —
Однажды Шаумян проговорил, —
Не мешкайте —
Нам дорог каждый час.

Скорей лечитесь, набирайтесь сил!
Я должен был бы вас сопровождать,
Но долг повелевает быть мне здесь.
Надеюсь вскоре видеть вас опять,
В Баку еще немало дела есть...
— Не время ехать мне сейчас, Степан!
Я сын Коммуны, здесь друзья мои...
Я пригожусь! — ответил Нариман. —
На всей земле моей идут бои...

Но, по решению своих друзей,
Он отбыл в Астрахань.
Там пригвожден
Инфарктом был к постели много дней.

Однажды он увидел страшный сон.
Над головой Степана, Мешади¹
Кружились совы, и совиный вой,
Как будто заклинанье —
«Не щади!» —
Висел над Наримана головой...
Проснулся он.
Не сон, скорей набат
Звучал предчувствием грядущих бед.

В Баку взял верх жестокий мусават,
Настал террор.
Повержен был Совет.

¹ Мешади — Азизбеков.

Чужими стали камни и дома.
И солнце было больше ни к чему.
Печальная объяла город тьма,
Лишь выстрелы прорезывали тьму.

Казалось, темнота сведет с ума,
Никто не в силах от нее спасти.
Как бинт прозрачный, степь Агча-Куйма
Прикрыла раны двадцати шести.
Стал серым и тяжелым, как брезент,
В ту пору Каспий,
Горек стал от слез.
Английский у винтовок был акцент...
А ветер эхо к Нариману нес.
И эта весть несла такую боль,
Что и болезнь была ей не чета.
Лишь на висках засеребрилась соль,
Да складки горечи легли у рта.

Письмо

Беснуется предзимняя метель.
И ветры спотыкаются, что кони,
Бьют в стены дома, двери рвут
с петель...

А осень их торопит,
гонит,
гонит.
У Наримана дума лишь одна.
Сам в Астрахани, а душа далеко.
Стоит он возле темного окна,
Однако виден он из многих окон:

Он дорог пролетариям Баку.
О нем там вспоминают с теплотою.
Он нужен на родимом берегу
За горькой пограничною чертою.

К премьеру мусаватскому письмо
Он пишет. Пишет так:
«Прошу заранее
Обдумать то, что ясно и само, —
Лишь пользу получили мусульмане
От революции.
Высокий сан —
Премьер, «родному служащий
народу», —

Не от народа, а от англичан
Вы получили, богачам в угоду.
Рабочего замученного стон
Вы душиите, чтобы расслышать шепот
Из Лондона, как будто может он
Унять и возмущение и ропот.
«В Баку к нам европейская грядет
Культура...»
Но зовут ее Антанта!
По улицам Баку, за взводом взвод,
Идут тяжелым шагом оккупанты.
Поете гимн пришельцам чуждых стран
И в честь царя читаете молебны.
Так чей вы набиваете карман?
Чьей воле служит бас великолепный?

Сейчас враги мы с вами, Насиб-бек,
А было время,

Мы дружили в школе.
Но времени неудержимый бег
Остановить, увы, не в вашей воле.
Пролетарьят России и Баку
Единую судьбу обрел впервые.
России нефть нужна.
И мы в долгу
Пред братьями по классу из России...»

Голова

Слова эти дошли до адресата,
По Апшерону прокатилось эхо.
Парламент... Заседание... Дебаты...
Пылает гневом туша Насиб-бека:
— Что значит этот странный
ультиматум?

Забота о Баку? Скорее — поза!
И в Закавказье, пламенем объят,
Он государству мусульман угроза,
Он, Нариман, преследующий цели
Нас в плен российский ввергнуть,
Как когда-то,
В то время, когда мы едва успели
Поднять в Баку знамена мусавата.
Отнюдь не нация ему опора,
А только большевизм! — орет оратор. —
Но нация прозреет очень скоро!
Что было свято, да пребудет свято!..
Я призываю всех вас к единенью
Великих свершений накануне!..

Но наступал уже предел терпенью.
Рабочий с узелком идет к трибуне...
— Ты не похож, премьер наш,
на сатрапа,
Твое достойно произносят имя...
Вот голова товарища, собрата,
Отрубленная слугами твоими!..
Смотри же, Насиб-бек,
Я в твой парламент
Принес не даром страшную улику!.. —
Нарушен протокол,
И смят регламент,
Зал содрогнулся, полон стону, крику.

И Насиб-бек пошел из зала молча.
И шел он ежась, будто бы знобило,
С оглядкою, затравленно, по-волчьи,
И не было в походке прежней силы.
Его объяла страшная усталость,
Как будто он бежал, болел как будто.
И чья-то тень спешит за ним, казалось,
И настигает с каждою минутой.
Он обернулся —
Голова живая
С neroковым еще кровоподтеком:
— Что думали, меня вы убивая,
Что в сердце вашем двигалось

жестоком?

Не подлость ли?
Я требую ответа!
А сколько вы голов снесли, покуда,
Улыбкой вашей лживой обогрета,

Я доверялась вам?..
А вы Иуда...
Давно смешались дни мои и ночи.
Однако счет мой к миру не оплачен.
Вас, подлых, все же меньше, чем
рабочих.

И ты, голубчик, кончишь не иначе!
Наш край, как мое сердце, разорен.
Молчи!..
Ты нас принудил к обнищанью.
И ты навеки мною не прощен!
Я мыслю, обреченная к молчанью.

Она захохотала...
У премьера
Озноб внезапный пробежал по коже.
Он потянулся к ручке револьвера,
Но вдруг себя остановил:
Во что же
Здесь надо целиться? В холодный
камень?..

Иль в этот бред?..
Иль в это сновиденье?..
Он дверь открыл дрожащими руками.
Но хохот повторился в то ж мгновенье.
Всю комнату заполнил мрачный холод.
Хохочут зеркала,

диваны,
стены.

И вот всю землю сотрясает хохот,
И сотрясается простор вселенной.

Голова Недавно с плеч высоких я скатилась.
Но вот покоя, Насиб-бек, все нету.
Ищу для миллионов справедливость.
Без устали качусь по белу свету.

Премьер-министр Твои слова не очень-то простые.
Простой рабочий так сказать не может.
Кто подучил тебя?
Кто их впервые
Сказал тебе?..
Кто ты, чей век уж прожит?

Голова А ты не узнаешь меня?
Как странно!
Тебя подводит память или зреньё?
Ну, Насиб-бек...

Премьер-министр Узнал... Али Байрамов...
И руки поднял Насиб-бек в смятенье.
А голова:
— Верни мое мне тело!
Верни мне ноги
И верни мне руки!.. —
А у нее лицо белее мела
От голода, от непосильной муки. —
Верни мне сердце!.. —
Наримана голос:
— Верни свободу, нефть верни! —
ей вторит.
Сознание и небо расколосось...

Два флага

— Нет! Нет и нет!.. — премьер еще
поспорит.
Раздался выстрел. Стекла зазвенели.
Сбегаются в испуге домохадцы.
Жив Насиб-бек.
Но нет в помине цели:
За призраком и пуле не домчатся!

На улице одной живут два флага.
Но к их соседству город не привык.
И служит древком одного — отвага
Рабочих,
А другого — плоский штык.
Но реет красный флаг, не зная страха,
Единства знаменуя торжество,
Рабочего Байрамова рубаха
Струится в небе, словно кровь его.
Зеленый флаг и острый полумесяц
Поникли, лишь возник багровый цвет.
А похороны так премьеры бесят,
Что в перепуге замер кабинет...
За гробом шла толпа на три квартала.
За красным стягом. Грозно. Не перечь!
И голова Байрамова взирала,
Казалось Насиб-беку, с тысяч плеч.

Глава VI

Холера

Известие приносит телефон
О том, что Нариман уже в Баку.
Прочесан каждый в городе район.
Полиция и войско начеку.
А слезка караулит вдоль дорог.
В Гянджу несут приказы провода.
А там холера,

голод,

недород.

От дома к дому движется беда.
И Нариман примчался налегке,
С утра врачует он и дотемна.
Улыбчив, строг, в очках и парике.
Его печаль не каждому видна.

Но сыщик в этом городе один,
Принявший чабана простого вид,
Хотя имеет генеральский чин, —
Найти след Наримана норовит.

Лекарств нехватка, мало и врачей.
Пустынен город, люден лишь погост.
И от бессонных каторжных ночей
Встает в Гяндже холера в полный рост.
Всех без разбору так и валит с ног.
Но врач на зов больных спешит. И вот
Переступил квартиры той порог,
Где генерал инкогнито живет.
— Верните мне ребенка моего!.. —
К нему взывает молодая мать,
Как будто от него лишь одного
Зависят жизнь и смерть...

И он опять
Услышал стоны сотен матерей,
Увидел сотни горемычных лиц...
И он прошел к ребенку от дверей.
Прощупал пульс,
Достал холодный шприц.
— Вы успокойтесь!..
Я ему помог.
Жар схлынет... Это горе — не беда!
Пусть в доме вашем будут лук, чеснок
Да воздух свежий, чистая вода... —
Устало опустился он на стул.
— Спасибо, милый доктор, за труды! —
И сыщик ему деньги протянул.
— Я за лечение не взымаю мзды.

Тут женщину вдруг охватил озноб,
Ее шатнуло, прислонив к стене:
— Он шпик!
И многих, зная, спровадил в гроб...
Чужой он в доме, и не муж он мне!..
Немало погасил он очагов,
Немало пролил он невинных слез.
На нем проклятья и детей и вдов.
И это он, он в дом беду принес!.. —
И падает она без чувств на пол,
И прядочка волос ползет со лба.
А шпик сказал:
— Простите, слабый пол...
Невесть что мелет...
Молода, глупа!.. —

Пока ее приводит в чувство врач,
Шпик продолжает:
— Есть в Гяндже шпион,
Он опытен,
и смел,

и не горяч.

По мне, опаснее холеры он.
Считаю, что довериться вполне
Вам можно...
Но секретен разговор.
Надеюсь, что поможете вы мне.
Вы врач, открыт пред вами каждый

двор.

Аванс вам щедрый скоро будет дан.
— А кто шпион?
— Известный большевик.
— Да кто же он? Зовут как?
— Нариман...
Он литератор... — тихо шепчет шпик. —
Он большевик, наш враг он, и не грех
Такого б человека придушить!
Нас ожидает слава и успех,
Его следов в Гяндже таится нить!
Он врач,
Он благороден... Чую — долг
В Гяндже повелевает быть ему.
Да вот ведь что —
В оружьи знает толк,
А глаз остер, как молния в дыму.
Бывает, на меня найдет дурман,
На Наримана всяк похож...
Как сон.

Мне чудится, что каждый — Нариман,
Учитель...

пекарь...

врач...

и почтальон... —

Тут женщина сказала: — Если власть
Назавтра перейдет к большевикам?..

— Тогда мой труп затоптан будет
в грязь.

Но все ж британским верю я штыкам!..

Однако, я прощения прошу,

Пора к делам служебным приступать.

Часы идут, идут... И я спешу.

Рад буду, доктор, видеть вас опять.

* * *

Есть Нариман!.. —

Звонят издалека.

И трубку телефона Насиб-бек,

Как будто руку своего врага,

Так сжал...

Казалось, не разжать вовек.

В Баку доставлен узник,

В кабинет

Его к премьеру вводят...

— Вы болван!

Здесь тени сходства и в помине нет...

Сей истукан отнюдь не Нариман! —

Кричит премьер.

И полицейский сник,

Как будто непосильный принял груз.

А всех попутал сыщика парик.
Свой своего не опознал! Конфуз!..

И вездесущ он и неуловим!

Как рыба из сетей ушел на дно.

Жив Нариман, и слава его с ним.

Арестовали имя лишь одно.

Любишь ли
меня?

Заполнен в полдень весь центральный
сад.

Как много дам!

Как ярки их наряды!

Стоят, сидят, свершают променад...

Намеки, жесты, разговорцы, взгляды...

Разнообразие вкусов, праздник мод

Под грустным и суровым небом отчим.

Вот дама в драгоценностях, а вот

Одета дама небогато очень.

Вот дама, что ведет на поводке

Легавую, сама чуть-чуть с ней схожа,

Вот — с мопсом,

Вот — с болонкою в руке.

Та — белолица,

Эта — смуглой кожи.

Одна еще не позабыла стыд,

Другая смотрит дерзко и бесстыже,

Одна стоять подальше норовит,

Другая же подходит ближе, ближе...

А вот и щеголь медленно идет
И толстую гаванскую сигару
С брезгливой миной заправляет в рот.
Он смотрит женщин, ищет себе пару.
На нем блистает дорогой мундир,
Но голова грошовая никчемна,
Он любит форс, он сам себе кумир,
Он шествует манерно, смотрит томно.
Знакомой давней говорит: — Люблю...
Им нищенка убогая навстречу:
— Подайте, люди добрые!.. Молю!..
Уже неделю нам кормиться нечем.
Ага! Ханым! Взгляните только вниз!..
Я мать...
(Ага спешит, как от погони.)
Ты обездолил мой родной Тавриз...
(И стонет мать. Земля с ней вместе
стонет.)

Вся пестрая и сытая толпа,
В которой обсуждают сплетни, слухи,
Глуха проходит рядом и слепа,
Не замечая плачущей старухи.
И только на ресницах у ханым,
Как и у нищенки, блистают слезы,
Хоть, кажется, их облик несравним,
Но судьбы обездоленные схожи.
Так чей же — их или его — здесь край?
И есть ли где людских страданий мера?
Ах, музыка военная, играй
И ублажай чужого офицера!

А хлеб дается дорогой ценой,
Ценой падения и униженья,
Как будто жизни вовсе нет иной
И нет иного в ней предназначенья?
И нынешний правитель всей страны
По ней в английском мчит автомобиле
И речи произносит: «Все равны!..»,
Доверяясь лишь одной, английской силе.
В машине размышляет о делах,
И речи сочиняет он в машине —
Ему ногой земли коснуться — страх! —
Как будто прав таких его лишили.

Крушение

Премьер-министр в угрюмом кабинете
Рабочий день свой начинает рано,
Он что-то пишет, что-то чертит, метит,
Склонясь над картой Азербайджана.
Спасенье далеко.
Опасность близко.
И нет опоры в собственном народе.
Деникинцы идут к Баку без риска,
И англичане званые уходят.
А «добровольцы»¹ к нам идут — без
зова.
И все мрачней, темней приходят вести.
И времена грозят сместиться снова
И судьбы мусавата с ними вместе.
На приисках давно в огне колодцы,

¹ «Добровольцы» — войска Добровольческой армии Деникина.

Но люди в робах мерзнут рядом с ними,
И нефть ценою крови достается,
Ценою жизни, как вода в пустыне.
И все ж богаты земли Апшерона —
Нефть, всюду нефть!
Нагнись и черпай прямо!..

Н а с и б - б е к Для нас ни ущемленья, ни урона
В чичеринских ¹ словах,
Вот телеграмма...
Ведь он нам руку протянул, однако
И помощи просил...
Теперь не станет...
А нынче и Деникин и дашнаки!..
Их армии под носом, в Дагестане.

Х а н -
Х о й с к и й Чичерин мудр и очень осторожен.
Он знатен родом древним, благородным.
И все ж подвох в его словах возможен:
Наш строй давно он признает негодным.
Слова его — завеса лишь.
Таков он.
Он большевик, и враг он мусавата.
Ллойд Джорджем был не зря он
арестован
За неприглядные дела когда-то ²...

¹ Г. В. Чичерин — нарком РСФСР по иностранным делам.

² В 1917 году Чичерин был арестован в Англии, потом освобожден.

Премьер-министр слушает министра.
Опасны и Деникин и Советы...
Шлет письма Нариман.
Доходят быстро,
Как будто здесь он, недалеко где-то.

Н а с и б - б е к Он первый, кто посеял эту смуту.
Весь город взбудоражен, ходят толки...
Гром может грянуть каждую минуту!
Взгляните — с подписью его листовки!..

Х а н -
Х о й с к и й Вы говорили, что он враг достойный,
Он служит делу своему, идее...

И Насиб-бек усталым и спокойным
Вдруг стал, хоть и дышалось тяжелее.
Об эмиграции, теперь уж близкой,
Все мысли... Но пока он в том же кресле,
Еще пока он на земле бакинской,
Еще пока все та же важность в жесте.
Тоска терзает душу и сомненье:
Где нация, ее оплот и вера?..
И он в парламент пишет заявление,
Слагает он с себя дела премьера.
И говорит Хан-Хойскому:
— В мугаме ¹
Слились тревога, и тоска, и дали...
И зыбкая дорога под ногами...
Хочу мугам, мелодию печали!

¹ Мугам — народная мелодия.

Хочу мугам! И лечит он и ранит,
Забвенье пробуждает в человеке...
Пускай в мугаме мир весь этот канет
И пропадет пусть пропадом навеки!..

Поэт

Растерзанный Баку, двадцатый год.
Пришла весна и красные войска.
Средь пушек, конармейцев и подвод
Стоит поэт¹, в глазах его тоска.
Он столько повидал и пережил,
Унижен был,
и оскорблен,
и бит.

И шли стихи его, как кровь из жил.
Он продавал их,
Но он не был сыт.

Поэт

Народы ставят подпись, жизнь творя,
Судьбы определяя поворот.
Но где увидеть, честно говоря,
Твой росчерк, волю,
Бедный мой народ?

Красно-
армеец

Нет, подожди!
Отечества сыны
Давно кровавую ведут борьбу.

¹ Магомед Хади — известный азербайджанский поэт, пропал без вести в начале 1920 года. (Продавал стихи, чтобы жить.)

Армейским сапогом, отец, должны
Мы ставить подписи,
Верша судьбу.

Поэт

М-да... много, много я видал сапог,
Сапог солдатских, бог не приведи!
Я презирал их власть, но что я мог?
Вот ходит слух: с ума сошел Хади...
Я продаю стихи свои.
Купи!
Идеи, откровения души...
Строку как пса продали на цепи...
А строки чем мои не хороши?..

Красно-
армеец

Поэт, достойны ли твоих седин
Слова твои?
Ты сын ей, как-никак,
Земле своей...

Поэт

Молчи же! Чей я сын?
Я гол и нищ, живу среди бродяг.
Без имени, без крова, без еды —
Средь
мертвых и глухих давно

сердец,
Я падишах бродяг, пророк беды,
Я тень презренья,
Призрак наконец!..
Да я ли только? Вот скажи, солдат,
Где нынче сам Шихлинский, генерал?
«Бог артиллерии» и все же брат
Солдату каждому, как я слышал...

Красно-
армеец

С богами мы покончили давно.
А с этим что-то не сводила жизнь.
Не знаю...

Поэт

Жаль! Не знать его грешно.
Ты этого неведенья стыдись!

Красно-
армеец

Ну что ж, поверь, железный шаг полков
Несет свободу родине!.. Поверь!..
Живи, твори! Глухой раскат подков
Обозначает: кончен счет потерь.

Поэт

Я это слышал, парень, много раз.
Но вот оружие в твоих руках...
Свобода, воля, —

говоришь, —
сейчас?

Ценою крови воля!.. О аллах!..
Английской, прусской, царской — не хочу
Свободы и аферы никакой!..
Кирпич кладет строитель к кирпичу,
И дом растет под бережной рукой.
Из малого — великое...
Не слеп,
Я в эти годы много увидал.
Не думай, что моя свобода — хлеб,
Нет! Справедливость — вот мой идеал!

Красно-
армеец

Но справедливость надо отстоять.
Оружие еще послужит нам.
И, может, кровь свою пролить опять
Придется, преграждая путь врагам.

Так Нариманов говорит, о нем
Слышал ли ты?

Поэт

А... доктор Нариман!
Он, слышал я, тройным крещен огнем,
Его делам и слову чужд обман.

Красноармеец в этот самый миг
Вдруг пошатнулся,
Охнул и осел.
Шальная пуля!..
Он к земле приник
Лицом холодным, белым словно мел.
Не медлит крови тихий ручеек.
Рукав шинели тяжело намок.
Хади не помнит, как он рвал платок
И делал перевязку
Так, как мог.

Его терзали гнев, печаль, укор.
Ему был нужен этот разговор.
Он прозревал.
И будет знать он впредь,
Что за него воюют
жизнь и смерть.

Он обронил листки,
И понесли
Их ветры вдоль разбуженной земли,
К заборам припечатали, к домам,
Смешали с чистым небом пополам.
Пронизан мир дыханием весны,
Дыханием поэта полон он.

Листки кружатся, призрачны как сны,
Предвестием уже иных времен.
Они парят над всем Баку, листки,
Как будто кисти быстрые мазки
По небосклону...
Ясны, высоки,
Они надежды дети — не тоски.
Быть может, им начертано судьбой
Лететь над разноликою толпой,
Искать, как рифму жадно ищет стих,
Того красноармейца среди других.

Глава VII

Человек

Весь город, все рабочие отряды
Встречали Наримана.
Снова он
В Баку, и ноги прикоснуться рады
К земле пылающей, где был рожден.
С утра он на Баилове¹, в больнице.
В Баку — бандиты,
Страшен их террор,
И с каждым днем все больше жертв
в столице.

Да, нож бандитский на расправу скор!
Грабеж, и лихоимство, и насилие —
Наследство прошлых, отошедших дней.
Но губчека подрезывает крылья
Разбойному отродью все сильней.
Да, край Советов борется с врагами
Без усталы,
Так гасят и пожар...

От койки к койке легкими шагами
Идет в халате белом комиссар.
Он перевязки делает, уколы.
Не хлебом — нет его! — а парой слов
Он делится, спокойный и веселый,
Один из самых нужных докторов.

Вот новый раненый.
Ему все хуже.
Слабеет пульс, испарина на лбу.

¹ Баилов — рабочий район Баку.

Круг, очертивший жизнь, все уже, уже..
Как повернуть, как изменить судьбу?
Врачи стоят в раздумье в изголовье.
Тяжелый случай, слишком много ран.
Кровь перелить?
Но нет в резерве крови.
— Мою возьмите! — шепчет Нариман...

Больной очнулся.
Словно жар пожарищ
Печет глаза.
Но отступает зной.
Знакомый голос:
— Как дела, товарищ? —
И медленно открыл глаза больной.
Но кто перед усталым Нариманом?
Знакомый взор из-под знакомых век...
И пусть подернут взор еще туманом,
Но, нет сомнений, это... Насиб-бек!..
— Хан-Хойский... — шепчет, — господин
Хан-Хойский,

Прошу воды... воды... один глоток...
Воды...
Не откажите мне, по-свойски... —
Как жалок он, а как он был жесток.
Приговоривший Наримана к смерти,
Он сам сейчас у жизни на краю.
Кто повелел в жестокой крутоверти,
Чтоб враг врагу вдруг отдал кровь
свою?..

Как будто начинает жить он только.
Как будто мир он видит в первый раз:

Врачи,
палата,
окна,
стены,
койка...
И он не знает, кто же его спас.

«Есть у
каждого
кто-нибудь...»

У Наримана холоден очаг,
Ни теплоты,
ни дыма,
ни огня.

Он одинок.
Груз тяжек на плечах.
Где Сария, родная? Где родня?
Вот дом ее. Старуха вот в чадре...
Деревья и кусты черным-черны.
Нет Сарии в окне и во дворе,
Нет, нет и нет, как на небе луны.
— Скажите, бабушка...
— Чего, милоч?
— Мне помнится, здесь Сария жила?..
— Да ты, видать, приезжий, видит бог,
Ведь Сария уж год как померла.
— Не может быть!.. — Он головой поник.
— Чахотка...
Зелья ей не помогли.
Все сказывали, был у ней жених,
Так и не свиделись... Пропал вдали.

Не может быть!
Горели небеса...

Земля, как прежде, продолжала жить.
Он помнил голос, локоны, глаза
И повторял: нет, нет, не может быть!..
Ревкома председатель, что он мог,
Решая судьбы многих, предрешить
В своей?
И вот подводит он итог,
Любви итог... Итог?..
Не может быть!..
Седую стала голова его.
И хоть на много голосов Восток
Превозносил его, но одного
Он голоса расслышать уж не мог.
И если слышал «Сария» он вдруг,
Вновь ощущал, что нежно он любим,
Что есть на свете самый близкий друг,
В огонь и в воду он пойдет за ним.
О Наримане скажут ли: влюблен!
Но чуткою была его рука,
Но острым слухом был он наделен,
Но видел красоту издалека.
Сам красотою одарить умел,
Доверчивою чуткостью пленить.
И множество забот и трудных дел
Его не в силах были изменить.
Он не хотел иного ремесла,
Другую не хотел себе из жен...

Она любовь в могилу унесла.
Одной любовью был он побежден.

Встреча

Рабочий гордо шествует пикет.
Багряные над Баксоветом флаги.
На стенах новый вывешен декрет,
На грубой напечатанный бумаге.
И пусть качает скептик головой,
Пусть нищета,
 пусть мрак,
 пусть хлеба нету,
Но реет в небе вечном флаг живой —
И, значит, жизни быть и быть Совету.

Шел к Нариману толпами народ.
Особых не было часов приема.
Открыта дверь, и каждый, в свой черед,
Делился сокровенным с предревкома.

Однажды пареня с девушкой вошли,
Остановились молча возле двери,
Уставшие с дороги, все в пыли.
Он смотрит, смотрит...
И глазам не верит.
И на краю земли его нашли б
Вот эти двое!
Что беда, чужбина?
— Входи же, Чияляк!..
Входи, Гариб! —
Он счастлив, словно встретил
 дочь и сына.

Целует, сразу обнимает двух,
Ведет к столу, усаживает в кресла...
Гариб стал статен, новый архалук.
Ему к лицу...

И Чияляк воскресла.
Свет материнства нынче — не печаль —
Живет во взоре чистом и глубоком.
Ах, только б не обидеть невзначай,
Не ранить душу эту ненароком!

Он вспоминает, как разнесся слух:
За речкой кто-то всадников приметил,
Пять всадников неслись, как злобный
дух, —

Ни птица не догонит их, ни ветер!
Неслись пять лошадей горячих вскачь,
Звенел во мгле копыт железный цокот.
В седле одном качался женский плач,
А в четырех других — и брань и хохот.
Жену везли в тот дом, где есть жена.
А Чияляк платок лишь теребила,
Как будто в уголок платка она
Могла запрятать лучшее, что было...

Но вот она пред ним, и рядом с ней
Гариб...
Вновь холод обнял Наримана:
Как жалко без любви прошедших дней...
Как не стареет в сердце этом рана!..

Внимает деревенским новостям:
Тех смерть взяла, тех увела дорога...
«У каждого есть кто-нибудь...» —
вдруг сам
Он слышит чей-то голос издалика...

И все, что время уносило вдаль,
Вновь ожило как будто в свете новом.
Два голоса то радость, то печаль,
Как ножницами, режут каждым словом.

День к вечеру,
Темнеет небосклон.
Он не прервал друзей своих ни разу.
Чему же долго так внимает он?!
О жизни, о судьбе своей рассказу.

Генерал

В тот вечер был и генерал доставлен
В сопровожденье двух бойцов конвоя.
Высокоросл и седоус...
Прославлен...
В глазах сомненье, вера...
Нет покоя.
На миг остановился он в передней,
Как будто выверяя вновь решенье,
Быть может, следующий шаг —
последний,

За ним позор и жизни всей крушенье?
В душе зимы отчетливо дыханье,
И медленный течет по жилам холод.
Что значит опыт, воинское званье,
Когда мир прежний надвое расколот?

Н а р и м а н

Входите, генерал! Прошу, садитесь!
Мы долго ждали вашего визита.
Он стоит многого.

Вы не боитесь,
А мы тревожились, скажу открыто.
Откуда пуле-дуре разобраться,
Кто нужен и крестьянам и рабочим?..

Шихлин-
ский

И сердце мое дрогнуло, признаться...
Но вы — родной народу,
Я не очень.

Нариман

Мне думается, заблужденье это.
Вы воин,
В битвах не знававший страха,
Внук Видади¹, народного поэта...
«Ах, баяты, цвет жизни Карабаха...»²
Нет, имя ваше хорошо известно
От вод Каспийских и до вод Амура.
Все ваши ордена пришли к вам честно,
«Орудий бог», защитник Порт-Артура.
Ваш опыт боевой и ваша слава
Нужны сейчас еще сильнее,
чем прежде.

И только что рожденная держава
На вас взирает, генерал, в надежде!

Задумался Шихлинский.
Не для славы
Он постигал военную науку.
В сырых окопах

¹ Видади — известный азербайджанский поэт, современник и друг Вагифа.

² Строка из стихов Видади.

Долгий счет кровавый
Он вел годам...
Он знал и боль и муку.
Он знал парады, фейерверки, тризны,
Знал сон солдат
И как гремит атака,
Но трудную судьбу своей отчизны
Так близко он не чувствовал, однако.

Шихлин-
ский

Я неизменно верен был присяге.
Военный человек...
И век железный...
А в деле вашем место есть отваге.
Быть может, буду человек полезный?..
Хочу еще одно сказать вам, кстати:
Знавало сердце счастье и утрату,
Но именем и славой, Председатель,
Обязан я лишь русскому солдату,
Товарищу, собрату и герою.
Он скромн, и великое свершая...
Мне армия была семьей второю...
И родиной второй —
Страна большая.
Под белым днем и под вечерним мраком
Я только жил, а не свершал карьеру.
То русским называли, то поляком,
Как будто это что-то значит...
Веру,
Не скрою, я тогда питал к устоям,
Служил законам — признавал законы.
Покой душевный — самое простое,
Надежный щит от бурь — мои погоны.

Я искренне поверил мусавату,
Но родину он продал иноземцам.
С трибун мне лгали, старому солдату,
Пустым словам я доверялся сердцем.
Обманывался...

Жаль...
Но новой силой
Я полон, хоть осталось жить немного.
И пусть окоп послужит мне могилой,
Но, чувствую, одна у нас дорога!

Н а р и м а н Бывает в жизни, генерал, нередко:
От старого оторвана навеки,
На корне новом зеленеет ветка,
И плодоносит, и дает побег.

Ш и х л и н-
с к и й Я стар уже...
И вас прошу, как сына, —
О том и в завещании есть строки, ---
Где бы меня ни встретила кончина,
В село Шихлы,
В Казах, мой край далекий,
Пусть отвезут меня мои солдаты,
В последний раз со мной пройдут
в походе...

На камне пусть начертят жизни даты
Я сын земли родимой, плоть от плоти ..
Надеюсь, что я был ее достоин.
Позавчера возвышенный царями,
Вчера лишь — мусавата первый воин.
Все рухнуло...

Сегодня — я пред вами.
Вы требовали опыта...

Н а р и м а н Как можно?..
Не требовали мы — скорей, просили.

Ш и х л и н-
с к и й И все же, Председатель, мне тревожно,
Как будто смертный приговор уж в силе.
А если это так, то не тяните!
О разном по дороге к вам наслышан...
Что ж, я солдат.
Не вечны жизни нити.
И кончен, значит, путь земной...
Срок вышел...

Н а р и м а н «Ах, баяты, цвет жизни Карабаха...» —
В погожий добрый день и непогоду.
Нет места для неверия и страха
В душе, готовой послужить народу!..

Как будто в речке прояснились воды,
Как будто теплый ветерок повеял
И вдруг убавил генералу годы...
Шихлинский этой теплоте поверил.

«Товарищ Ленин.
Военспец Шихлинский
Участье примет в разработке планов
Здесь в штабе.
Человек, народу близкий.
Баку. Предревсовета Нариманов».

Глава VIII

Кровь

Пред Нариманом строгий кабинет,
Взгляд Ильича,
Приветливый и веский.
Как важен обстоятельный совет
В канун такой ответственной поездки!
Казалось, время в этот самый миг
Остановилось, чтоб запечатлеться
В календарях,

газетах,

строчках книг —

А не в одном лишь Наримана сердце.
Бакинский видит он пролетарьят,
Над всем Востоком знамя его реет.
— Товарищ Нариманов!

Очень рад...

Садитесь здесь — не дует...

Здесь теплее...

М-да...

Холодов в Москве не избежать.

Жаль, жертв не избежать и в нашем

деле...

Вы знаете, вдруг вспомнил я опять,

Как выдвинуть вы Ленина хотели

Премьером...

Не взыщите же сейчас!.. —

И рассмеялся громко и знакомо...

Припомнил Нариман тот день и час.

Когда он предложил Предсовнаркома

Назначить Ильича...

Немного лет

С тех памятных минут прошло, казалось,

И тот же взгляда ленинского свет,
В котором мудрость,
 доброта,
 усталость.

— Отнюдь не воевать, а торговать
Социализм, — сказал Ильич, — намерен...

— Нет, Ленин не поедет,
Он опять
Недомогает, —
Отвечал Чичерин
В тот вечер Нариманову, —
Пока
Сильней желаний наших медицина.
Имеется решение ЦК...
И мнение докторов — его причина.

Пока идущий год двадцать второй
Не ведает про год двадцать четвертый...
Шел Нариман Москвой
Ночной порой
В фуражке и в кожаночке потертой.
Холодный ветер дул в глаза, в упор,
Сгушалась тьма, но снова,
 снова,
 снова
В ушах звучал минувший разговор,
И оживало ленинское слово.

Он, Ленин, видит далеко вперед,
Куда и заглянуть мы не дерзнули.
Не только в Ильича —
 в страну,
 в народ

Ударили эсеровские пули.

.....

Отъезд.

Толкучка.

Суета.

Движенье...

Прощанье.

Отплывающий перрон.

И вытянут вдоль рельс, как предложенье,
На Запад устремленный эшелон.

Генуя

Старинный город.
Мерный счет ударов
Часов на башне.
Темные дворцы.
Стране страданий, бедствий и пожаров,
России счет предъявят здесь дельцы
Политики английской и французской,
Потребуют возврата всех долгов.
Давай, давай, давай!..
А впрочем, русский
Керенский — возвратить долги готов.
Готов вернуть и шахты он Донбасса,
Заводы Криворожья,
Апшерон —

Все возвратит. Все, в ожиданье часа
Возврата власти, возвращает он.
«Приедет Ленин, —
Слухи накануне
Уже ползли —
Пролетарьята вождь...»
Но вот нарком Чичерин на трибуне.
Что думает об этом сэр Ллойд Джордж?
Ведь было время, он велел когда-то
Схватить, арестовать большевика.
Пять лет прошло, он видит дипломата
Искусного — не взглянешь свысока.
...Вот зал опять наполнен нервным
гудом.

Идет к трибуне сквозь манишек строй
Один из тех, кто жив остался чудом,
Брат двадцати шести,
Как жизнь живой.
В его глазах вот-вот займется утро,
Которое не зачеркнет свинец.
История распорядилась мудро,
Дав слово Нариману наконец.
Казалось, ветер по рядам пронесся —
Пахнуло нефтью,
Каспия волной,
Зашелестели спелые колосья,
Которые прожег полдневный зной.

Перед трибуной нервный Гегечкори¹.
И думы его мрачны и темны

¹ Гегечкори — глава эмигрантов.

Он в мыслях видит вышки, видит море,
Знакомый облик дальней стороны.
«Пусть большевик от русских держит
слово,

От имени Кавказа — слово мне!
Отечества не надо нам иного,
Чем было!..
Этот спор решать войне...»
Меньшевики, предатели — все рядом,
Одной объаты злобою, сидят,
Вперяясь в Наримана злобным взглядом.
И все же полон страха этот взгляд.
— Не на песке мы строим — на граните
Наш новый мир, наш новый, светлый
дом...

— А вы долги сначала нам верните, —
Ллойд Джордж кричит, — а стройте уж
потом!

И вновь прошли пред Нариманом годы,
Утраты и потери —
Их не счесть,
Лишения, нехватки и невзгоды,
И вновь пред ним барханы.
Двадцать шесть...
Взгляд Мешади, улыбка Шаумяна...

— Не сняли траур женщины в Баку.
Она еще кровавит, эта рана.
Не мы пред вами —
Вы у нас в долгу!

Та кровь, что покидала наши жилы,
Впиталась в солнце, людям свет несет.
Вот правда в чем!
Слова иные лживы!
Кровь пролилась.
Социализм живет!

В ряду последнем двое. Шепот слышен.
И брань и нервный, со слюной, смешок:
— Кровь пролилась?.. Пускай!.. А мы-то
дышим!..
И мост Пойлы не зря я все же сжег...

...Что в памяти хранится, может, ради
Того, чтоб нынче в сердце постучать?
Те, может быть, рассказы, что мне дяди
Поведали. На них лежит печать
Тех дней, уже далеких, и победы
Той правды, что рассеивала мглу.
Пусть ваши в памяти звучат беседы,
Гариб и Рза-киши, Хазратгулу!
Друзья отца! Как жаль мне, ветераны,
Нет книг о вас, нет должной похвалы!..
А мой отец встречался с Нариманом
В тот год пожара на мосту Пойлы.
Отец мой был обходчиком дороги,
Чьи плечи изнурял тяжелый ключ,
Чьи устали не ведавшие ноги
Под вечер гравий чуяли — колюч.
Он встретил везший Наримана поезд,
И стрелку перевел, и путь открыл

Грядущему, о том лишь беспокоясь,
Чтоб для борьбы еще хватило сил.
Он повидал и доброе и злое,
И целый край его устами мог
Поведать о себе. Он знал былое
И настоящей жизни был знаток.
А Нариман о дне грядущем ведал.
Их прямо к революции вела
Дорога общая, к утратам и победам —
Наперекор всей лжи и силам зла!
Их встреча вовсе не была случайной
В горниле грозных, небывалых лет.
И жаль, что нет доски мемориальной
На будке стрелочника, да и будки нет!..

— Я говорю от имени Коммуны,
Вы должники России, господа!
Мы не забыли степи Агджакума,
Где кровь лилась в песок, а не вода.

Нам подарила нефть сама природа.
Пришельцы нашей кланялись земле.
Но стала нефть трагедией народа,
Мы оказались в нищете, во мгле.
Мы жили безысходно,

горько,

скверно,

И каждый день все мчались, мчались

вдаль

С английской маркой полные цистерны,
В них нефть сверкала, черный наш

хрусталь.

Нажива — чужакам, лишь имя наше.
Наш край на чужедальнем берегу
Похваливали: нет, мол, края краше!
Но хаяли Баку в самом Баку.
Пришельцы обобрали нас до нитки,
И жили мы на хлебе и воде.
Да, имя наше стало знаменитым,
Но доля наша маялась в беде.
Причиной Боденштедтова¹ успеха
Явился, между прочим, плагиат.
А что вам имя гордое Вазеха? —
Пришлец и песни воровать был рад.
И нынче преют в лондонских архивах,
От нас как будто за семью дверьми,
Точней, сокрытые как бы в могилах,
Бесценнейшие свитки Низами.
Да, было в высшей степени «гуманно»
Считать язык мой древний
До сих пор
Наречием...
Мол, мудрости корана
Всех примирят от моря и до гор...
Свирепы были годы.
Мы не знали,
Избавиться от вероломства как.
И все ж над отчим домом поднимали
Так много лет чужой, враждебный флаг...
Стяжателей всех, господ, и выжиг
Народ однажды вымел за порог.

¹ Боденштедт напечатал все стихи Вазеха под своим именем.

Под страшным гнетом сохранился,
выжил
И самобытность прежнюю сберег!..

* * *

В тот день он пробудился очень рано.
Весь город был один зеленый сад,
И Санта-Маргарита
К окнам прямо
Несла цветов и листьев аромат.
Красиво здесь.
И, все-таки чужбина.
Иную сердце помнит красоту.
Вот некий человек проходит мимо,
Сигара толстая дымит во рту.
Он элегантен, хоть одет неброско.
И дружелюбен взгляд спокойных глаз.
Цветок в петлице, усики, прическа...
— Простите, мистер, я ищу ль не вас?
Вы Нариманов?

Нариманов Да.

Корреспондент Я из газеты.
Канадский журналист, корреспондент...

И Нариманов канувшие в Лету
Припомнил годы в этот же момент.
Он так отчетливо бывшее вспомнил,
Все-все, и доброту его и зло,
Как будто вдруг увидел в блеске

молний...

Нариманов Я уважаю ваше ремесло.

Корреспондент Вы маленький народ,
Но вы своими
Делами поразили этот свет!..

Нариманов У нас есть древнее, седое имя,
Есть новая судьба — и ей пять лет.

Корреспондент Когда увидел вас я в здешнем клубе,
То вспомнил о Хосе Марти,
Он мог
Везде и всюду говорить о Кубе.
Его огонь беды народной жег.

Нариманов Он знал народ...
И презирал порядок,
Который превращал народ в раба...
Судьба горька у Кубы, сахар — сладок.
У нас не сахар, нефть, — одна судьба.

Корреспондент О правде,
Лишь о ней писать хочу я,
Неправде угождать я не привык.

Нариманов Да... ложь сильна и, по земле кочуя,
Осядет в душах, на страницах книг.
Но правда тоже, знаю я, стремится, —
Когда из жизни ложь ее теснит, —
Собой наполнить новые страницы,
Прекрасных, самых лучших наших книг.

Корреспондент Примите же, как память этой встречи,
«Торонто-Стар».
Здесь несколько есть фраз
О конференции, о вашей речи
И просто о Чичерине и вас...

Нариманов Благодарю...
Мне дорого и лестно...
Позвольте книгу с надписью своей
Вам подарить...
Простите, неизвестно
Мне имя...

Корреспондент Я Эрнест Хемингуэй.

И Нариман надписывает сразу
Свою одну из давних-давних книг,
И так ведет он дарственную фразу,
Как другу в письмах речь вести привык.

Он так мечтал служить литературе!
Но труд иной, подполье и борьба,
И революция, подобна буре, —
Служить себе заставили...
Судьба!

Кто может тайну знать предназначенья?
Он счастлив!
Говорят, любовь творца, —
Ох — тяжкою бывает... Что ж? Решенье
Он принял, выбор сделан до конца.

Он сам был сутью перемен великих.
И мог ли думать он в тот краткий миг,
О ненаписанных жалея книгах,
Что станет вскоре сам героем книг.

Оглавление

Глава I	Вброд через реку	7
	Женщина	8
	Гариб	10
	Чияляк	11
	«Аллаху-акбар...»	12
	На уроке	15
Глава II	Четки и перо	15
	Навстречу неведомому	18
	Баку	21
	Голос из окна	21
	Носки и шаль	22
	Рабочий и интеллигент	23
Глава III	Встреча с Гаджи Тагие- вым	25
	Одесса	31
	Нужда и слава ходят по пятам	31
	Суфлер	34
	Стон	35
	Подарок	36
Глава IV	Лето, 1905	37
	Боль	40
	Тяжелый час правды	43
	Сарня	46

Глава V	Свет в душе	53
	Есть ли предел терпению	53
	Письмо	57
	Голова	59
	Два флага	63
Глава VI	Холера	67
	Любишь ли меня?	71
	Крушение	73
	Поэт	76
Глава VII	Человек	83
	«Есть у каждого кто-ни- будь...»	85
	Встреча	87
	Генерал	89
Глава VIII	Кровь	97
	Генуя	99

Гасанзаде Нариман
Нариман Поэма
Алимамед-оглы

М., «Советский писатель», 1973, 112 стр.
 План выпуска 1973 г. № 270

Редактор	<i>Г. Г. Валиков</i>
Художник	<i>В. С. Алешин</i>
Худож. редактор	<i>Е. Ф. Капустин</i>
Техн. редактор	<i>М. А. Ульянова</i>
Корректор	<i>Н. П. Задорнова</i>

Слано в набор 5/II 1973 г. Подписано к печати 27/VI 1973 г.
A02110 Бумага 70×108^{1/2}. Тип. № 1. Печ. л. 3^{1/2}(4,9). Уч.-
изд. л. 4,07. Тираж 9 000 экз Заказ № 121. Цена 45 коп

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10

Ордена Грудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата, Ленинград,
Фонтанка, 57.

1
350078

